

Н. С. Прокурова

**ПРАВОВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ
НА СТРАНИЦАХ «ГУБЕРНСКИХ ОЧЕРКОВ» М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА
(К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ)**

Литературная деятельность М. Е. Салтыкова-Щедрина, публициста, сатирика, литературного критика, редактора журналов «Отечественные записки» и «Современник» (вместе с Н. А. Некрасовым), стала заметным явлением в русской литературе второй половины XIX в.

Выходец из семьи типичных помещиков-крепостников, он еще в раннем детстве стал свидетелем всех ужасов крепостного права, которые пробудили в нем «зачатки общечеловеческой совести». Семилетний «вятский плен» дал М. Е. Салтыкову-Щедрину новые впечатления, позволившие ему в «Губернских очерках» вскрыть пороки современной правовой действительности, где царит произвол чиновников: казнокрадство, обман простого народа, совершаются невиданные по своей изощренности преступления: «оспопрививанье», сбор незаконных податей и прямое «выколачивание» денег из крестьян.

«Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина — это суровое обличение всей российской бюрократической системы в целом. Здесь автор со всей очевидностью показывает, что в мире беззакония и произвола в тюрьму часто попадают не казнокрады, не мздоимцы, не закоренелые преступники, а простые ни в чем не повинные люди.

Ключевые слова: правовая действительность, мир беззакония и произвола, арест, преступники, тюрьма, острог, казнокрады.

N. S. Prokurova

**LEGAL REALITY IN „PROVINCIAL ESSAYS“ BY M. YE. SALTYSKOV-SHCHEDRIN
(DEVOTED TO THE 190-TH ANNIVERSARY OF THE WRITER'S BIRTHDAY)**

Literary activity of M. YE. Saltykov-Shchedrin, who was a commentator, a satirist, a literary critic and an editor of magazines „Otechestvennyye Zapiski“ and „Sovremennik“ (together with N. A. Nekrasov) became a famous phenomenon in Russian literature of the second part of the XIXth century.

Being the offspring of the family of typical landlords advocating serf-ownership, he was the witness of all the horrors of the serfdom even in his early childhood. These events aroused in him „rudiments of human conscience“. Seven years spent in Vyatka gave Saltykov-Shchedrin new impressions that let him reveal defects of acting legal reality where despotism of officials, state property embezzlement and deception of ordinary people prevailed. Unprecedented sophisticated crimes as «smallpox vaccination», collection of illegal taxes and direct „extortion“ of money from peasants took place.

„Provincial Essays“ by Saltykov-Shchedrin is a severe exposure of the whole Russian bureaucratic system. Here the author obviously showed that in the world of lawlessness and tyranny innocent ordinary people were put in prison instead of state property embezzlers, bribe-takers or hardened criminals.

Key words: legal reality, world of lawlessness and tyranny, arrest, criminals, prison, jail, state property embezzlers.

Имя Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина, писателя, публициста, критика, сотрудника журнала «Современник», известно сегодня всей читающей России.

Родился М. Е. Салтыков-Щедрин 27 (15) января 1826 г. в дворянской семье, в селе Спас-Угол Калязинского уезда Тверской губернии. Родители писателя были типичными помещиками-крепостниками, поэтому еще в раннем возрасте мальчик стал свидетелем всех ужасов крепостного права и у будущего писателя зародилось так называемое «тревожное чувство», пробудились «зачатки общечеловеческой

совести», которые впоследствии стали основой его демократического мировоззрения.

Большую роль в формировании демократического мировоззрения будущего писателя сыграли 40-е гг. и их видные представители: В. Г. Белинский, А. И. Герцен, М. В. Петрашевский и Т. Н. Грановский. В конце 40-х гг. Салтыков начинает посещать кружок русских социалистов-утопистов М. В. Петрашевского. На так называемых «пятницах Петрашевского» шли горячие споры о путях переустройства общества, также петрашевцы говорили о необходимости реформ, об освобождении крестьян.

В 1847—1848 гг., в период службы М. Е. Салтыкова в Военном министерстве, в журнале «Отечественные записки» были опубликованы его повести «Запутанное дело» и «Противоречия», в которых власти усмотрели «вредное направление и стремление к распространению революционных идей».

В 1948 г. писателя арестовали и сослали в Вятскую губернию на семь с половиной лет. Здесь он был управляющим вторым отделением Губернского правления в Вятке, в ведении которого находилась «забота о хозяйственном обеспечении тюрем и этапов». Кроме этого, он являлся производителем дел Комитета о рабочем и смирительном домах — так назывались «предусмотренные законом разные формы и места лишения свободы за уголовные преступления». Здесь писатель мог воочию наблюдать наполненное да краев человеческими страданиями «море житейское», впечатления от которого и найдут отражение в «Губернских очерках» (1856—1857), где повествование ведется от лица чиновника, «отставного надворного советника» Н. Щедрина. Впоследствии фамилия этого героя станет составной частью фамилии самого писателя.

В «Губернских очерках» писатель одним из первых в русской литературе изображает тюремный острог (очерковый цикл «В остроге»). Они открываются рассказами подьячего о прошлых временах, когда, по его мнению, чиновникам жилось вольготнее, чем нынче. «Брали мы, правда, что брали — кто Богу не грешен, царю не виноват? — признается он. — Да ведь и то сказать, лучше что ли, денег-то не брать, да и дела не делать? как возьмешь, а оно и работать как-то сподручнее, поощрительнее. А нынче посмотрю я, все разговором занимаются, и все больше насчет этого бескорыстия, а дела не видно...» [1, с. 36] («Первый рассказ подьячего»). От рассказов подьячего веет откровенным цинизмом: вот он повествует о том, как начальник отправлял его «в Шарковскую волость подать собирать» и как подать собрана не была, но его «ребятишкам на молочишко» хватило; о том, как производили чиновники «повальный обыск»: сгонят со всей округи человек триста, «и лежат они на солнышке», а полевые работы стоят. И начинают крестьяне «по три пятака» платить, лишь бы на свободу выйти. С восхищением рассказывает подьячий о своем «учителе и заводчике», уездном лекаре Иване Петровиче, который наставлял своих собратьев: «Мое, говорит, братцы, слово будет такое, что никакого дела, будь оно самой святой пасхи святее, не следует делать даром: хоть гривенник, а слупи, руки не порти» [1, с. 39]. И еще поведал подьячий об одной премудрости «выколачивания» денег из крестьян: «утонет ли кто

в реке или с колокольни упал и расшибся», приедет Иван Петрович в деревню и начинает «утопленника пластать», а крестьян «заставляет внутренности держать» и освобождает их от этой повинности только «за посильное приношение». Одним словом, горазд был на выдумки по части вымогательства «учитель и заводчик» Иван Петрович. Так, однажды давал он совет, как вначале заставить преступника оговорить «побольше народу», а затем начинать «распутывать» дело. «Разумеется, все эти оговоры вздор и кончатся пустяками, — поучал Иван Петрович, — да ты-то дело свое сделал: и мужичка от напраслины очистил, и сам сердечную благодарность получил, и преступника уличил» [1, с. 40]. Но, пожалуй, самым кощунственным способом вымогательства было инсценирование «оспопрививанья». Приезжает Иван Петрович с фельдшерами «в расправу», раскладывают они на столе различные инструменты: «токарный станок, пилы... подпилки, сверла, наковальни, ножи», собирает «баб с ребятами» и объявляют им об «оспопрививаньи». А в это время «ножи точат, станок гудит, ребята режут, бабы стонут», ибо темные, непросвещенные крестьяне не имеют малейшего понятия о процедуре прививания оспы, и этим пользуются нечистоплотные чиновники от медицины, которые только «за целковый» освобождают крестьян от так называемого «оспопрививанья».

Героem очерка «Второй рассказ подьячего» является городничий Фейер, немец по происхождению, о котором рассказчик говорит: «...человек он был золотой» [1, с. 48]. Действительно, были у него своего рода достоинства. Так, например, Фейер отличался необыкновенным умением угодить начальству. Прикажут ему из губернии отыскать какого-нибудь неблагонадежного бродягу и привлечь его к ответу. «Вот и начнет Фейер по городу рыскать, — рассказывает подьячий, — и все нюхает, к огонькам присматривается, нет ли где сборищ» [1, с. 49]. В конце концов, отыщет он «странника заблудшего... бродягу бесталанного», придерется к содержанию его «сумки страннической», в которой лежат «цветнички да записочки разные». И вот повлекут безвинного «раба божия» в острог, а в губернию чего только не напишут: «И „изуверство“, и „деятельные сношения с единомышленниками“, и „плевелы“, и „жатва“ — все тут есть» [1, с. 50].

Кроме того, городничий обладал необыкновенным умением вымогать у народа деньги, «даже покойниками... не брезговал», умел и на них сколотить капиталец. Так, «пронюхал» Фейер о том, что умерла старуха-раскольница, а ее сестра собирается похоронить покойницу «у себя под домом». Промолчал он об этом, предоставил

возможность «всю эту церемонию исполнить», а на следующий день явился с обыском: «Куда... сестру девала?» [1, с. 54]. В этот раз старуха откупила от него. Однако потом, когда Фейеру нужны были деньги, он вновь приходил к ней с обыском и каждый раз получал новый откуп до тех пор, пока не свел старуху в могилу, напоследок сказав ей: «Жаль, Домна Ивановна, что умираешь, а теперь бы деньги надобны!» [1, с. 54].

В очерковом цикле «В остроге» писатель тщательно исследует внутренний мир людей, попавших в тюрьму, пытается вскрыть причины их противоправного поведения. Автор идет в острог со своим хорошим знакомым Яковом Петровичем, «который обладал особенным искусством вызывать доверие арестантов». Посещая тюрьму по вмененной ему обязанности почти ежедневно, «он знал не только историю преступления, но и характер, и даже привычки каждого арестанта» [1, с. 375].

В очерке «Посещение первое» автор говорит о тяжелой и душной атмосфере «арестантских камор», «серовато-желтые лица заключенников» — «царство агонии, но агонии молчаливой, без хрипения, без стонов...» [1, с. 374].

С большой симпатией писатель рисует образ арестанта из крестьян, совершившего преступление в порыве отчаянной страсти. «Лицо у него было молодое, умное и даже кроткое, — сообщает автор о своем герое, — высокий лоб и впалые, но еще блестящие глаза намекали на присутствие мысли, на возможность прекрасных и благородных движений души...» [1, с. 375].

Авторская симпатия проявляется и в речевой характеристике героя: речь арестанта мелодична, изобилует элементами народной поэтической речи («грудь то у нее высокая да белая, словно пена молочная», «света я... невзвидел», «слова молвить не могу» и пр.). «Худого мне в ту пору и во сне не снилось, не то что наяву, — рассказывает он о себе, — однако вот теперь в остроге. Оно и выходит, что кому какая линия написана, той и не миновать. Меня и на деревне знали; и не пьяница я был, и не вор, а вот сделал же такое дело... ну, да уж Бог с ним! из сказки слова не выкинешь...» [1, с. 376].

О своей страсти к молоденькой солдатке Параньке герой сообщает барину Якову Петровичу: «А я, как увижу, бывало, ее, так словно тебе нутро знобить начнет; взял бы, кажется, ее в охапку, да так бы и закоченел весь тут. Это, барин, бывает» [1, с. 376].

Долго ходил он за полюбившейся ему солдаткой, уговаривал, припоминал ей грехи ее: «и Михейку рыжего, и татарина-ходебщика, и станового»; «много... слез через эту бабу пролил», а она в ответ на его уговоры только смеется, дразнит да мужем-солдатом страшает: «вот

годков через пятнадцать воротится, станет спрашивать, зачем, мол, с Гаранькой дружбу завела — даст он тебе в ту пору встрепку...» [1, с. 379]. Долго терпел парень эти насмешки и издевательства, да однажды не вытерпел. Подкараулил он Параньку в лесу, когда она за грибами шла, а она и здесь над ним подсмеивается, дразнит его. Не выдержал он и убил ее, словно в беспамятстве. «Бог свидетель, барин, — рассказывал арестант, — не чуял я в эту пору и сам, что делаю... Помню только, что выхватил я топор из-за пояса и бил им, куда попало, бил дотоле, доколе сам с ног не свалился. Потемнело у меня в глазах, и вся кровь в голову так и хлынула» [1, с. 380].

Молодой арестант искренне раскаивается в содеянном преступлении («...виноват я; правда, что виноват...»), но в то же время он хорошо осознает, что «...не в своем разуме тогда был» [1, с. 381], поэтому и оскорбительно для него клеймо «убийцы». «Мне не то обидно, — говорил он почти шепотом, — что меня ушлют — мир везде велик, стало быть, и здесь и в другом месте, везде жить можно — а то вот, что всяк тебя убийцей зовет, всяк пальцем на тебя указывает! Другой, сударь, сызмальства вор, всю жизнь по чужим карманам лазил, а и тот норовит в глаза тебе наплевать: я, дескать, только вор, а ты убийца!..» [1, с. 381].

Суд не принял во внимание смягчающих вину обстоятельств (то, что Параня парня «почти сама на преступление вызвала»), не учтено было и психическое состояние подсудимого — состояние аффекта.

Пронзительная боль и горечь звучат в словах арестанта: «...будь я в своем разуме, зачем бы мне экое дело делать? <...> Ну, и мир весь за меня стоял: всякому ведомо, что я в жизнь никого не обидел, исполнял свое крестьянство как следует, — стало быть, не разбойник и не душегуб был! Однако вот я в тюрьме, да и то, видишь, еще мало, потому, говорят, у тебя на душе убийство! Оно, конечно, убийство, да ведь надо его сообразить — убийство-то!» [1, с. 381].

Среди обитателей «следующей каморы» на первый план выступает арестант «по прозванию» Колесов, который «держал себя очень развязно и тогда как прочие арестанты оказывали при расспросах более или менее смущения и вообще отвечали не совсем охотно, он сам вступал в разговор и вел себя как джентльмен бывалый, которому на все наплевать» [1, с. 381]. Речь Колесова — витиеватая, с претензией на «ученость»: «Имея с малолетства жажду к просвещению и будучи отторгнут от светского общества, единственную нахожу для себя отраду в своей невинности и в чтении назидательных историй» [1, с. 382]. Однако сей «ученый и речистый муж» почему-то не может толком

объяснить, почему его хозяин, «купец богатейший», с которым Колесов и его товарищ поехали в качестве гребцов на лодке «из городу на фабрику», оказался в реке мертвым, со связанными руками; не нашли и денег, бывших при нем. Колесов, расписываясь в своей непричастности к убийству хозяина, ссылается на станового, нашедшего, «что все это произошло очень натурально» и купец сам захотел утонуть («Однако сам господин становой видели мою невинность и оправдали меня, потому как я единственно из-за своей простоты страдаю-с...» [1, с. 382]. «Да, становой за это уже суду предан», — отвечает Колесову хорошо осведомленный в этом деле Яков Петрович, явно намекая на то, что небескорыстно становой не узрил вины Колесова и его товарища, который стоял сейчас рядом с Колесовым и, вслушиваясь в его слова, «тупо улыбался». Глядя на этого флегматичного, молчаливого мещанина, «огромного роста и, по-видимому, весьма сильного», автор высказывает справедливое суждение об этом происшествии и о роли каждого из «сотоварищей» в нем: «...по всему видно было, что он служил только орудием для совершения преступления, душою же и руководителем был в этом деле Колесов» [1, с. 382].

И еще один герой очерка — «простоватый, несмышленный» мужичонка Самсон, который четвертый год томится в остроге. Он сам начинает свою печальную исповедь: «...Такая бедность, что... в дому вот эконькой корочки хлеба не сыщешь... Между тем пришло время подать за полугодие платить. Что тут делать? Денег дома нет ни копейки, достать негде, а сборщик требует настоятельно...» [1, с. 383, 384]. И когда он отправляется в волостное наниматься в бурлаки, догоняет его на телеге дядя Онисим, ехавший в село Опенино купить полведра водки.

«А мне, Ваше благородие, только всего и денег-то надобно, что за полведра заплатить следует...», — продолжает свою исповедь герой. — Вот и стал мне будто лукавый в ухо шептать. «Стой, кричу, дядя, подвези до правленья!» А сам, знаешь, и камешок за пазуху спрятал... Сели мы это вдвоем на телегу: он впереди, а я сзади, и все у меня из головы не выходит, что будь у меня рубль семьдесят, отдай мне он их, вместо того, что б водки купить, не нужно бы и в бурлаки идти... [1, с. 384]. Так объясняет мужик свое наваждение, закончившееся тем, что «...он швырнул в дядю Онисима камнем и, взявши у него... рубль семьдесят копеек, явился в волостное правление и заплатил подать» [1, с. 384]. Другая «камора» (очерк «Посещение второе») содержала в себе трех «лиц... чиновной породы», одного из них, Пересечкина, которого автор именует «форменным сюртуком», двух других —

Боровикова и Перегоренского — «халатниками», и уже эти прозвища свидетельствуют об отношении к ним автора.

Писатель наделяет своих героев яркими портретными характеристиками, определяющими их человеческую суть. «Форменный сюртук обладал довольно замечательною физиономией, — пишет автор. — Он был плотно сложен и небольшого роста; лицо его не поражало с первого взгляда ни чрезмерною глупостью, ни чем-либо особенно порочным или злым; но, взглядевшись в него пристальнее, нельзя было не изумиться той подавляющей ограниченности, той равнодушной ко всему пошлости, о которых свидетельствовали: и узкий покатый лоб, окаймленный коротко обстриженными, но густыми и черными волосами, и потупленные маленькие глаза, в которых светилось что-то хитрое, но как бы недоконченное, недодуманное...» [1, с. 385]. В острог Пересечкин попал, по его словам, за то, что «статистику собирал». Получив задание переписать мужицкие хозяйства («...то есть все до точности-с, сколько у кого коров-с, кур-с; даже рябчиков-с пересчитать велено было»), он заставил одного из мужиков считать поштучно своих пчел, предварительно взяв с него «по целковому с улья, а в ведомости... настроил: «У такого-то, Пахома Сидорова, лошадей две, коров три, баранов и овец десять, теленок один, домашних животных шестнадцать, кур семь, пчел тридцать одна тысяча девятьсот девяносто семь» [1, с. 388]. За мздоимство и фальсификацию документов Пересечкин был осужден и посажен в острог.

Один из «халатников» — канцелярский служитель Боровиков — «...молодой человек довольно красивой наружности, высокий и стройный» [1, с. 386]. Предположение автора («По всему было видно, что, на свободе, он пользовался особенным благоволением дамского пола...») оправдывается: в острог Боровиков попал, по его словам, «по причине женского пола-с», так как «к эвтому предмету с малолетства привычен». Боровиков был осужден по делу об убийстве мещанина Затрапезникова, которому некая Аннушка «отдали предпочтение». «Ну-с, по этой причине мы точно их будто помяли... то есть бока ихние-с (Затрапезникова — *Н. П.*), — это и следствием доказано-с... [1, с. 389], — говорит Боровиков, однако в убийстве мещанина не считает себя виновным.

Второй «халатник» — «...был длинный и сухой господин», который несколько не обеспокоился приходом посетителей и продолжал лежать». Яркой выразительной деталью внешнего проявления писатель метко характеризует внутренний облик героя, таким образом обнажая его личностную суть. «По временам из груди его

вырывались стоны, сопровождаемые удушливым кашлем, — замечает автор, — таким, каким кашляют люди, у которых, что называется, печень разорвало от злости, а в жилах течет не кровь, а желчь, смешанная с оцтом» [1, с. 389]. Он не проявляет никакого уважения по отношению к Якову Петровичу и, несмотря на особый талант последнего входить в доверие к арестантам, высказывает ему полное презрение. Автору же он рекомендуется следующим образом: «Я, государь мой, поклонник правды и ненавистник лжи! вот кто я — безделица! Имя мое не легион, как вот таким (указательный перст устремлен на Якова Петровича, который пожимается), а Павел Трофимов сын Перегоренской — не *ский*, а *ской* — звание же мое отставной титулярный советник. С юных лет, государь мой, я получил страсть к истине, всосав ее, могу сказать, с млеком матери. Будучи еще секретарем в магистрате, изобрел следующие науки: *правдистику*, *патриотику* и *монархоманию*. Тщетно я обращался ко всем властям земным о допущении меня к преподаванию наук сих; тщетно угрожал им карою земною и небесною; тщетно указывал на растление, царствующее в сердцах чиновнических — тщетно! Овые отвечали молчанием, овые — презрением и ругательством...» [1, с. 390, 391]. Произнося высоким слогом выпенренные речи, Перегоренский (так называет его автор — *Н. П.*) является обыкновенным кляузником и доносчиком: написав очередное «извещение» властям о непорядках в питейном доме и не представив убедительных доказательств по этому поводу, он оказался в тюрьме. Но и здесь он не оставляет своего занятия, намереваясь сообщить самому господину министру о беспорядках в остроге.

И еще с двумя арестантами знакомится здесь автор: один из них «маленький, жалконький мужичонка», который попал в тюрьму только лишь за то, что видел, «как у соседа корову с двора сводили», а он «корову с вором в полицу не преставил»; второй арестант «вида не столько свирепого, сколько нахального», цинично рассказывающий об убийстве двух старушек (у которых он служил кучером), в целях завладения их капиталом, но, как это выяснилось впоследствии, у них не оказавшегося. Но не слышно раскаяния в голосе рассказчика, повествующего о том, как «...они, сердешные, встали на коленки, да только ровно крестятся: умирать-то, вишь, больно не хочется». «Ну, это точно, что мы им Богу помолиться дали, — без тени сожаления заявляет он, — да опосля и прикончиди разом обеих... даже не пикнули-с!» [1, с. 395]. Однако печалится арестант не о напрасно убиенных старушках, а о «капиталах больших», которые так и не удалось отыскать.

Герой очерка «Аринушка» Нил Федотыч оказался в остроге за то, что вместе со своей

женой Василисой пожалел и призрел нищую окоченевшую от холода старушку Аринушку, которую управители барского имения, муж и жена — немцы — обрядив сумой, отправляли на заработки — собирать куски. Хозяева, добрые и сердечные люди, накормили и обогрели Аринушку, а ночью она умерла. Чтобы избежать последствий и миновать дознания, Нил Федотыч, дождавшись сумерек, свез старушку на гумно. А поутру тело старушки отыскивали и по вожжам, которые забыл развязать Нил Федотыч, вышли на него. «Да вот с той поры и сижу, братец ты мой, в эвтим месте, в остроге каменном, за решетками за железными, живу-поживаючи, хлеб-соль поедаячи, о грехах своих размышляючи... А веселое, брат, наше житье — право-ну!» [1, с. 404] — такими поэтичными строками заканчивает свою печальную повесть герой.

Автор с большой симпатией относится к крестьянскому парню Гаранке, пережившему личную драму из-за страсти к Параньке, к крестьянину Нилу Федотычу, оказавшемуся в остроге из-за своей жалости к крепостной нищей Аринушке (очерк «Аринушка»); искренне сочувствует нищему Самсону, совершившему преступление из-за ничтожной суммы — «рубля семидесяти копеек» — необходимой для уплаты подати». Однако Колесов с его «товарищем», арестанты из мещан, дворян из «чиновной породы» — Пересечкин, Боровиков и Перегоренской и другие, совершившие преступления из корыстных побуждений, не вызывают авторского сочувствия и представлены им на страницах произведения как «глубоко испорченные люди».

«Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина — это суровое обличение не частных злоупотреблений отдельных чиновников, а всей российской бюрократической системы в целом. Автор со всей очевидностью показывает, что в мире беззакония и произвола в тюрьму часто попадают не казнокрады, не мздоимцы, не закоренелые злодеи-преступники, а простые ни в чем не повинные люди: сердобольный крестьянин Нил Федотыч, призревший больную старушку («Аринушка»), несчастный бродяга — «странник заблудший» («Второй рассказ подьячего») и др.

Близко соприкоснувшись с «царством острожного горя», М. Е. Салтыков-Щедрин приходит к выводу, который он сформулирует в одной из своих записок: «Борьбу надлежит вести не столько с преступлением и преступниками, сколько с обстоятельствами их вызывающими» [1, с. 538]. Эта мысль писателя красной нитью пройдет через все «Губернские очерки» и станет их главной идеей.

Примечание

* Оцет (*оцта*) — юж.-зап. уксус. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., 1989. Т. 2. С. 775.

Список библиографических ссылок

1. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 10 т. М., 1988. Т. 1.
© Прокурова Н. С., 2016